Об итогах реализации идеи сокращенной формы дознания в уголовном судопроизводстве России

ЛАПАТНИКОВ Максим Владимирович, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук

603144, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3

E-mail: maks4@mail.ru

В статье анализируется новая законодательная инициатива Министерства внутренних дел Российской Федерации, предлагающая альтернативу введенной сокращенной форме дознания в уголовном судопроизводстве России. Данный анализ выполнен в контексте имевшего место опыта существования в советский период в уголовном процессе протокольной формы досудебной подготовки материалов уголовного дела. На основании данных статистической отчетности и анализа нормативной основы института сокращенного дознания обосновывается фактический крах идеи реализации упрощенного досудебного производства по делам о нетяжких преступлениях. Указываются пороки действующей упрощенной досудебной процессуальной формы расследования преступлений, среди которых особо выделяется непонимание законодателем сути упрощенного производства. К наиболее негативным порокам автор относит обязательность согласия потерпевшего, формализованные сроки подачи подозреваемым ходатайства о проведении сокращенного дознания и наличие норм, еще более уменьшающих срок сокращенного дознания. Формулируются авторские предложения по оптимальному конструированию сокращенной формы предварительного расследования.

Ключевые слова: расследование, дознание, сокращенное производство.

On the Results of the Brainchild of the Abbreviated Form of Inquiry in Criminal Proceedings of Russia

M. V. LAPATNIKOV, candidate of legal sciences

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation

3, Ankudinovskoe Shosse, Nizhniy Novgorod, Russia, 603144

E-mail: maks4@mail.ru

The article analyzes the new legislative initiative of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, offering an alternative to the recently introduced shorter form of inquiry in criminal proceedings of Russia. This analysis is made in the context of the Soviet experience in the criminal process – protocol form of pre-trial preparation of the criminal case. On the basis of statistical reporting and analysis of the normative framework of the inquiry Institute the author shows the actual failure of the brainchild of simplified pre-trial proceedings in cases of minor crimes. The defects of the current simplified pre-trial procedure of the crimes investigation were specified, among which was highlighted the lack of understanding by the legislator of the essence of simplified proceedings. The author mentioned the most negative blemishes such as the obligation of consent of the victim, the formalized deadlines for passing the request for shortened investigation and the existence of norms, even more reducing the period of reduced inquiry. The author formulates proposals on the optimal design of the abbreviated form of the preliminary investigation.

Keywords: investigation, inquiry, abbreviated proceeding.

DOI: 10.12737/24858

В 2013 г. в отечественном Уголовно-процессуальном кодексе появилась новая глава, посвященная производству дознания в сокращенной форме. Институт, предусмотренный данной главой, представлял собой попытку законодателя упростить досудебную процессуальную форму по делам, которые подследственны дознавателю. Это уже вторая попытка законодателя упростить досудебное производство со времени отмены протокольной формы досудебной подготовки материалов уголовного дела. Вторая, так как на момент принятия УПК РФ 2001 г. именно дознание в общей форме (тогда просто дознание) было призвано выступать в качестве формы оперативного, по сравнению с предварительным следствием, производства предварительного расследования по делам о нетяжких преступлениях.

Проявившаяся в силу ряда причин тенденция на излишнюю формализацию, бюрократизацию уголовно-процессуальных процедур привела к тому, что, как справедливо указывалось в пояснительной записке к закону, который, собственно, и ввел новую форму дознания, «...применительно же к содержанию процессуальных средств по собиранию доказательств дознание ничем не отличается от предварительного следствия». И если говорить о том, что российский уголовный процесс полон парадоксов, то одним из таких парадоксов выступает то, что некогда упрощенная форма в недавнее время стала объектом нового упрощения.

Будучи одной из серьезных попыток законодателя ввести в ткань отечественного уголовно-процессуального права упрощенную процедуру досудебного производства, новый институт вызвал достаточно бурную реакцию со стороны правоприменителей и научной общественности. Большинство оценок со стороны специалистов носили скептически-пессимистический характер. Так, В. Кальницкий,

К. Муравьев, Д. Воронов высказывали следующие опасения: «реальное сокращение досудебного производства может и не произойти»¹, связывая это с тем, что законодатель изначально создал слишком широкий потенциал для возвращения к обычному порядку дознания. Е. А. Доля отмечал: «Анализ упрощений, касающихся доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, позволяет сделать вывод о том, что они привели к нарушению принципа упрощения, согласно которому упрощать явление возможно в любых объемах, но при обязательном сохранении его сущности»². Вывод А. А. Сумина свелся к тому, что «сокращенное дознание имеет все шансы превратиться в дознание в общем порядке и к тому же с превышением начального процессуального срока. Хотели как лучше, получилось как всегда... И даже хуже»³.

Наша позиция созвучна с выводами вышеуказанных специалистов и выражается в следующей формулировке: «Институт дознания в сокращенной форме в его нынешней нормативной ипостаси вряд ли будет работать так, как задумано или близко к этому»⁴.

Причины столь пессимистичных оценок заключались в том, что творцы нового вида дознания еще на «старте» заложили в него ряд кон-

¹ Кальницкий В., Муравьев К., Воронов Д. Концепция дознания в сокращенной форме: достижения и вопросы совершенствования // Уголовное право. 2013. № 3. С. 85.

² Доля Е. А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья. 2013. № 6. С. 46.

³ Сумин А. А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовно-го процесса // Адвокат. 2013. № 10. С. 8.

⁴ Александров А. С., Лапатников М. В. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 28.

цептуальных пороков, тем самым обесценив свой замысел.

В качестве концептуальных пороков нового института дознания мы называли следующие:

а) проведение сокращенного дознания только в случае возбуждения уголовного дела в отношении лица;

б) обязательное согласие потерпевшего на применение процедуры сокращенного дознания;

в) формализованные сроки подачи подозреваемым ходатайства о проведении сокращенного дознания;

г) законодательные правила, еще более уменьшающие срок сокращенного дознания;

д) включение процедуры ознакомления с материалами уголовного дела в срок сокращенного дознания;

е) нормы, призванные в идеале упростить процесс доказывания, но в действительности мертворожденные⁵.

Поскольку каждый из вышеперечисленных пунктов уже был предметом нашего анализа⁶, отметим лишь, что к наиболее негативным мы относим следующие: обязательность согласия потерпевшего, формализованные сроки подачи подозреваемым ходатайства о проведении сокращенного дознания и наличие норм, еще более уменьшающих срок сокращенного дознания. Общение автора настоящей статьи с практическими работниками службы дознания в Нижегородской области и из других регионов России показало, что, по их словам, вышеуказанные недостатки препятствуют надлежащей реализации сокращенной формы и фактически приводят к тому, что данный институт применяется только по небольшой

массе малозначительных преступлений⁷.

В связи с этим наше внимание привлечен законопроект «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)»⁸, разработанный Министерством внутренних дел РФ (далее — законопроект), т. е. тем ведомством, сотрудники которого расследуют подавляющее большинство преступлений в форме дознания. Примечательность законопроекта в том, что, во-первых, исходя из его оценок, МВД России окончательно «забракowało» сокращенную форму дознания, а во-вторых, предлагается новая, альтернативная редакция упрощенной формы расследования. Данные предложения МВД России и будут предметом нашего анализа.

Законопроект, по сути, констатирует неспособность института сокращенной формы дознания реализовать те цели и задачи, ради достижения которых он принимался, и фактически призывает законодателя исправить сложившуюся ситуацию путем ликвидации действующей сокращенной формы дознания с ее заменой на новый вариант упро-

⁵ См.: Александров А. С., Лапатников М. В. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания». С. 26—27.

⁶ См.: Александров А. С., Лапатников М. В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 12—19.

⁷ Согласно данным заместителя министра внутренних дел РФ А. В. Горового, приведенным в журнале «Полиция», наиболее часто сокращенная форма дознания применялась по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 158 «Кража» (24,1%), ч. 1 ст. 119 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» (16,2%), ст. 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» и 116 «Побои» (8,4%), ч. 1 и 3 ст. 327 «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков» (6,9%) УК РФ, а также по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств (13,3%). URL: <http://ormvd.ru/pubs/101/the-initial-inquiry-in-abbreviated-form/>.

⁸ URL: http://regulation.gov.ru/project/22294.html?point=view_project&stage=1&stage_id=7502/.

щенной досудебной уголовно-процессуальной формы.

В качестве аргументов авторы законопроекта приводят данные статистики, которые показывают, что за два года сокращенная форма дознания так и не стала реальной альтернативой общей форме дознания. Как отмечается в пояснительной записке, «мониторинг правоприменения указанной главы УПК свидетельствует, что цели, поставленные при принятии федерального закона о сокращенном дознании, не достигаются. Так, в 2013 г. на территории Российской Федерации в сокращенной форме дознания расследовано только 6938 уголовных дел, что составляет всего лишь 2% от общего количества расследованных в форме дознания и направленных в суд (346 893). Несмотря на определенный рост этого показателя по итогам 2014 г. — 28 139, их доля от общего числа уголовных дел, расследованных органами дознания (307 106), по-прежнему незначительна и составляет всего лишь 8,9%».

Оценка итогов почти двухлетнего действия института сокращенного дознания в целом совпадает с выводами, к которым пришли мы и другие специалисты: «...данная форма предварительного расследования тоже оказалась перенасыщена избыточными формальными процедурами, поскольку к существующим в дознании процедурам прибавились другие (например, связанные с заявлением и рассмотрением ходатайства подозреваемого, получением согласия, в том числе потерпевшего, и принятием процессуального решения о производстве дознания в сокращенной форме)»⁹.

В связи с этим полагаем, что следует считать установленным факт провала реализации сокращенной формы дознания в ее действующей

редакции. Научному сообществу и правоприменителям необходимо искать новые пути решения проблематики введения упрощенных форм производства на досудебных стадиях уголовного процесса. Это обусловливает наше внимание к анализируемому законопроекту, тем более что в юридической прессе уже появились отклики на эту инициативу¹⁰.

Итак, в качестве общей характеристики предлагаемого института в пояснительной записке отмечается, что «данном законопроектом предлагается взамен дознания в сокращенной форме принципиально новая форма досудебного производства, направленная на адаптацию уголовного процесса к современным условиям, избавление его от избыточных, дублирующих друг друга процедур по уголовным делам об очевидных преступлениях, не представляющих большой общественной опасности и сложности в доказывании». Насколько же предлагаемые новации соответствуют заявленному? Попробуем ответить на этот вопрос.

Учитывая, что отечественная правовая система уже имела в прошлом опыт реализации упрощенной формы расследования, имеет смысл проанализировать институт особого порядка досудебного производства в контексте именно данного опыта, тем более что, по мнению И. М. Алексеева, «новый» особый порядок досудебного производства (далее — особый порядок) фактически дублирует протокольную форму досудебной подготовки материалов, существовавшую в России в советский период¹¹.

Анализ положений законопроекта позволяет сформулировать следующие нормативные основы предлагаемого института сокращенно-

⁹ URL: http://mvd.ru/mvd/structure1/Departamenti/Dogovorno_pravovoj_department/Publikacii_i_vistuplenija/item/3079668/.

¹⁰ См.: Алексеев И. М. Анализ предложений МВД России о новом особом порядке досудебного производства // Уголовный процесс. 2015. № 9. С. 24—30.

¹¹ Там же. С. 24.

го особого порядка досудебного производства:

1) особый порядок может применяться только по преступлениям, расследуемым в форме дознания (ч. 2 ст. 226¹⁰ законопроекта);

2) особый порядок заменяет собой не только общий порядок дознания, но и предварительную проверку сообщения о преступлении (ч. 9 ст. 144; ч. 2 ст. 226¹⁰ законопроекта);

3) особый порядок применяется при наличии повода и основания к возбуждению уголовного дела, очевидности причастности лица к преступлению, отсутствии сложностей в доказывании, а также при отсутствии обстоятельств, исключающих применение особого порядка досудебного производства (ч. 2 ст. 226¹⁰ законопроекта);

4) к обстоятельствам, исключающим применение особого порядка досудебного производства, относятся: несовершеннолетие привлекаемого лица, основания для применения принудительных мер медицинского характера, отсутствие у лица знания языка судопроизводства, применение мер принуждения, за исключением обязательства о явке и привода. Также особый порядок не производится, если лицо относится к так называемым специальным субъектам, указанным в ст. 447 УПК РФ (ч. 1 ст. 226¹¹ законопроекта);

5) процессуальным основанием для производства дознания в особом порядке является письменное поручение начальника органа дознания (ч. 3 ст. 226¹⁰ законопроекта);

6) в течение 24 часов с момента дачи начальником органа дознания письменного поручения о применении особого порядка досудебного производства письменно уведомляются заявитель и лицо, в отношении которого применяется особый порядок досудебного производства. Обязательного согласия указанных лиц на применение особого порядка не предусматривается, но у них остается право обжаловать поручение (ч. 4 ст. 226¹⁰ законопроекта);

7) особый порядок подлежит отмене, если после составления обвинительного постановления и до направления уголовного дела прокурору будет установлено, что собранных доказательств в совокупности недостаточно для вывода о виновности лица (ч. 3 ст. 226¹¹ законопроекта);

8) в качестве познавательных средств могут выступать только те процессуальные действия, которые допускаются законом до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 226¹⁴ законопроекта);

9) сбор доказательственного материала происходит в упрощенном порядке. Обстоятельства, входящие в предмет доказывания, устанавливаются в ограниченном объеме (ч. 2 ст. 226¹⁴ законопроекта);

10) срок особого порядка — 10 суток. Исчисляется с момента поступления сообщения о преступлении до направления уголовного дела прокурору (ст. 226¹² законопроекта);

11) привлекаемое к ответственности лицо и его защитник в обязательном порядке должны быть ознакомлены с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела, причем в пределах срока особого порядка. Правом на ознакомление также обладают потерпевший и его представитель (ч. 3—6 ст. 226¹⁴ законопроекта);

12) по окончании сокращенного дознания дознаватель составляет обвинительное постановление, которое вместе с материалами дела после утверждения начальником органа дознания направляется прокурору. Одновременно обвинительное постановление является и актом возбуждения уголовного дела (ч. 6 ст. 144 законопроекта).

Итак, законопроект предлагает проведение особого порядка по преступлениям, подсудственным дознавателю. В целом подсудственность нового института идентична подсудственности действующей сокращенной формы дознания. Но по сравнению с протокольной формой это, безусловно, шаг вперед, так как

УПК РСФСР предусматривал проведение протокольной формы только по закрытому перечню преступлений (ст. 414). Однако мы исходим из того, что следующим шагом должно быть распространение потенциала упрощенной формы производства на все преступления небольшой и средней тяжести, т. е. и на те, которые расследуются в форме следствия. Как мы уже отмечали ранее, критерием применения упрощенных процедур по конкретному преступлению должна служить прежде всего степень общественной опасности, выражающаяся в классификации преступных деяний по степени тяжести, а не искусственное разделение на формы предварительного расследования.

И в этом смысле возражение И. М. Алексеева на нашу позицию относительно критерия общественной опасности нельзя признать обоснованным. Ученый считает, что «степень общественной опасности, выражающаяся в классификации преступных деяний по степени тяжести, должна служить критерием для распределения составов преступлений между формами предварительного расследования»¹².

На это следует заметить, что в форме предварительного следствия расследуется и ряд преступлений средней тяжести (ч. 2 ст. 158, ст. 113 УК РФ), и нам непонятно, почему в особом порядке не могут расследоваться преступления средней тяжести, подследственные следователю. Критерий общественной опасности, выражаемый в классификации преступлений по категориям (ст. 15 УК РФ), далеко не самый основной для законодателя при отнесении того или иного преступления к подследственности органов следствия или дознания. Почему в упрощенной форме может расследоваться деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 158 УК РФ, но преступление, квалифицированное по ч. 2 той же статьи уго-

ловного закона, — только в общем порядке? Только лишь потому, что первое преступление расследуется в форме дознания, а второе — в форме следствия? Мы не видим препятствий к тому, чтобы особый порядок досудебного производства мог применяться по всем преступлениям небольшой и средней тяжести независимо от формы расследования, и полагаем, что это еще более повысит эффективность новой упрощенной формы.

Законопроект не предусматривает обязательное согласие потерпевшего. Последний, как это закреплено в действующем законодательстве, уже не вправе в любой момент производства отозвать свое согласие, тем самым отменив производство в сокращенном порядке. Правило об обязательном согласии потерпевшего (п. 6 ч. 1 ст. 226² УПК РФ) мы считаем особо негативным. Публичное уголовное судопроизводство поставлено в зависимость от воли частного лица, что недопустимо. И в этом смысле данная новелла авторов законопроекта заслуживает поддержки. Мы давно выступаем за то, чтобы отказаться от процедуры согласования с потерпевшим, оставив последнему право обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ.

Данное предложение, хотя в определенной степени ограничивает право потерпевшего на доступ к правосудию, но не противоречит конституционной обязанности государства гарантировать защиту прав потерпевших от преступлений, в том числе путем обеспечения им адекватных возможностей отстаивать свои интересы на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства. Во-первых, почти все преступления, подследственные дознавателю, относятся к делам публичного обвинения, где определяющую роль играет волеизъявление уполномоченных государственных органов; во-вторых, законодатель предусматривает наличие институтов, где роль потерпевшего минимальна

¹² Алексеев И. М. Указ. соч. С. 25.

(досудебное соглашение о сотрудничестве); в-третьих, компенсацией за предлагаемое ограничение прав служит возможность обжалования решения о применении сокращенной формы в порядке ст. 125 УПК РФ. Причем мы убеждены, что эта возможность должна быть предоставлена потерпевшему только в период расследования, но не после направления уголовного дела в суд. Иначе воля частного лица будет предопределять ход публичного уголовного преследования — «хвост будет вилять собакой».

Оригинальным нововведением законопроекта является то, что особый порядок подменяет собой предварительную проверку сообщения о преступлении и стадию предварительного расследования. Фактически он стирает и так уже ставшую после законодательных новелл марта 2013 г. весьма зыбкой грань между стадиями возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Так как мы выступаем за полную ликвидацию стадии возбуждения уголовного дела, наше отношение к этой инициативе положительное, поскольку наносится еще один удар по уже расшатанной первой стадии уголовного процесса.

Вместе с тем предложение ограничить количество познавательных действий только теми, которые допускаются до возбуждения уголовного дела, вызывает у нас недоумение, как и запрет применять меры принуждения, за исключением обязательства о явке и привода (ч. 1 ст. 226¹⁴ законопроекта).

Ограничивая количество познавательных действий при применении особого порядка, авторы законопроекта, по-видимому, ориентировались на протокольную форму, которая предусматривала проведение проверочных действий, таких как объяснение, истребование документов (ст. 415 УПК РСФСР). Однако если уж мы говорим о слиянии двух первых стадий процесса, то почему бы не предоставить субъекту доказы-

вания весь спектр познавательных уголовно-процессуальных средств, включая следственные действия? Все-таки парадигма современного уголовного процесса, предусматривающая наличие в его системе стадии возбуждения уголовного дела, судя по всему, довлела над авторами законопроекта и привела к такому экстравагантному предложению. Полагаем, что здесь опыт протокольной формы вряд ли должен быть востребован, так как тот перечень проверочных действий, который допускается законодателем, не способен будет обеспечить надлежащий уровень познания по всем деяниям, относящимся к подследственности дознавателя. Не говоря уже о том, что протокольная форма применялась только по ограниченному перечню составов.

Наша позиция по этому вопросу исходит из того, что раз мы идем по пути поглощения стадии возбуждения уголовного дела стадией предварительного расследования, то следует разрешить правоприменителю применять весь комплекс процессуальных действий. А вот требование законопроекта при производстве особого порядка досудебного производства ограничиться только обязательством о явке и приводом вызывает крайнее недоумение. Как говорится, «шаг вперед, два назад». Непонятно, почему бы не допустить применение всех мер принуждения, включая и меры пресечения. Отдельно можно оговорить о запрете заключения под стражу. Ведь если мы допускаем применение обязательства о явке, то почему бы не применить в надлежащих случаях и подписку о невыезде? Иначе мы приходим к тому, что особый порядок может стать еще одной разновидностью доследственной проверки.

Хотя в протокольной форме досудебной подготовки материалов предусматривалась обязанность отобрать у правонарушителя обязательство являться по вызовам органов дознания и суда и сообщать им о переме-

не места жительства (ст. 415 УПК РСФСР), это, однако, не тот случай, когда следует бездумно заимствовать норму без учета современных процессуальных реалий. Безусловно, применение мер пресечения повлечет появление у лица статуса подозреваемого, а это значит, что нужно менять положения ст. 46 УПК РФ, а также другие нормы. Однако уже в действующем законодательстве статус подозреваемого «заходит» за границы первой стадии процесса¹³. Как справедливо отмечает И. М. Алексеев, «понятие “подозреваемый” должно трактоваться в его конституционно-правовом, а не в придаваемом ему уголовно-процессуальным законом более узком смысле»¹⁴.

Согласно ч. 3 ст. 226¹⁰ законопроекта процессуальным основанием для производства дознания в особом порядке является письменное поручение начальника органа дознания. Желание авторов законопроекта поставить особый порядок досудебного производства в зависимость от волеизъявления не рядового дознавателя, а вышестоящего руководителя вполне объяснимо. Однако мы полагаем, что более оптимальным было бы предоставить право давать поручение начальнику подразделения дознания. Именно последний, как правило, в лучшей степени разбирается в процессуальных вопросах и способен оперативнее принимать решения в данной области. Для начальника органа дознания уголовно-процессуальные вопросы составляют лишь один из аспектов его разносторонней деятельности, и мы считаем,

что при осуществлении расследования дознавателем, а не иным сотрудником органа дознания необходимо перераспределить процессуальные полномочия к начальнику подразделения дознания по аналогии с руководителем следственного органа. Принимать значимые решения должен тот, кто непосредственно находится на процессуальном «поле боя», а не тот, кто находится во главе всей системы органа дознания на районном и высшем уровнях.

Существенным недостатком поручения выступает отсутствие в законопроекте обязанности обозначить квалификацию деяния. Следует согласиться с И. М. Алексеевым в том, что «отсутствие квалификации деяния лица, в отношении которого применяется особый порядок, со стороны органов, осуществляющих уголовное преследование, не позволит такому лицу выработать позицию по делу, следовательно, и давать объяснения по поводу имеющегося в отношении него подозрения»¹⁵.

Замену обязательного согласия лица, привлекаемого к ответственности, на применение особого порядка процедурой уведомления следует только приветствовать. Однако сохранение бессрочного права обжалования решения о применении особого порядка (ч. 4 ст. 226¹⁰ законопроекта) способно привести к тому, что особый порядок будет находиться под дамокловым мечом его отмены, и, соответственно, к его дальнейшему параличу. На наш взгляд, данное право, безусловно, должно быть сохранено, однако ограничено во времени. Приемлемым вариантом было бы позволить лицу реализовать свое право на обжалование применения особого порядка досудебного производства в течение пяти суток с момента получения соответствующего уведомления. Если же лицо не реализовало свое право в течение указанного срока, то особый порядок может быть отменен по его инициативе только

¹³ В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» право на защиту распространено на любое лицо при наличии действий, свидетельствующих о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса.

¹⁴ Алексеев И. М. Указ. соч. С. 26.

¹⁵ Алексеев И. М. Указ. соч. С. 26.

при наличии данных применения к нему насилия, угроз и иных незаконных мер, а также при самооговоре.

Определение ограниченного объема обстоятельств, которые должны быть установлены при применении особого порядка (ч. 2 ст. 226¹⁴ законопроекта), есть важное, но, по сути, декларативное правило, так как в условиях действующей системы показателей работы органов расследования субъект доказывания неизбежно будет стараться формировать систему доказательств, что называется, «на подстраховку». На наш взгляд, большого практического значения он не имеет, особенно если учесть, что ограниченный предмет доказывания не согласуется с вопросами, разрешаемыми судом при постановлении приговора, на что указывает И. М. Алексеев¹⁶. Думается, что дознаватель обречен на сбор характеризующего материала, установление смягчающих и отягчающих обстоятельств, так как в противном случае ему следует ожидать возвращения уголовного дела из суда в порядке ст. 237 УПК РФ (и то, если такое дело пропустит прокуратура).

Срок производства особого порядка определен в 10 суток без права продления (ст. 226¹² законопроекта). Он меньше на пять суток срока сокращенного дознания и совпадает со сроком, который устанавливался для подготовки материала в протокольной форме. Вообще вопрос о сроках, без сомнения, достаточно оценочен, субъективен, и ответить, почему именно 10 суток, а не 15 или 20, непросто. Мы не возражаем против 10-суточного срока, если бы не правило о том, что процедура ознакомления с материалами уголовного дела должна быть реализована в пределах срока расследования в сокращенной форме. Соответственно, считаем данное правило вредным и фактически сокращающим срок особого порядка минимум на 1—2 суток. Вредным, потому что дознава-

тель должен иметь в своем распоряжении полноценные 10 суток. Здесь авторы законопроекта пошли по пути законодателя, включившего процедуру ознакомления с материалами дела в срок дознания в сокращенной форме. А если мы говорим о сокращенном производстве, то данная процедура должна быть вынесена за пределы срока расследования. Это не согласуется с самой идеей упрощенного производства. Думается, что в данном случае авторам следовало быть более последовательными, так как УПК РСФСР именно так и устанавливал.

Процедура вынесения обвинительного постановления, направления материалов производства прокурору в целом изложена оптимально. Вместе с тем более предпочтительным было бы не правило об обязательном ознакомлении с материалами дела обвиняемого и его защитника, а уведомление указанных лиц о возможности реализовать в течение трех суток право на ознакомление. В этом же уведомлении обвиняемому должно быть разъяснено право ходатайствовать о применении особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ).

Подведем итоги. Анализируемый законопроект МВД России знаменует собой фактическое признание краха идеи сокращенной формы дознания в ее нынешнем виде. Последняя, как и прогнозировали многие специалисты, оказалась не в состоянии быть реальной заменой общей форме дознания. Законодателю следует рассмотреть альтернативу действующей упрощенной процедуре расследования. В качестве таковой может выступить законопроект МВД России о введении особого порядка досудебного производства, но при условии отказа от некоторых усложненных процедур. Так, в отмене или переработке нуждаются ограничение в перечне познавательных действий, запрет на применение мер принуждения, право бессрочного обжалования решения

¹⁶ См.: Алексеев И. М. Указ. соч. С. 29.

о применении особого порядка досудебного производства. В противном случае эти процедуры рискуют вновь похоронить идею упрощенного досудебного производства, как это получилось с сокращенной формой дознания.

В целом наша позиция исходит из того, что ни сокращенная форма до-

знания, ни какие-либо другие альтернативы вряд ли способны кардинально решить проблему без полной ликвидации формального разделения на процессуальную и непроцессуальную деятельность на досудебных стадиях процесса и общей деформализации досудебного производства.

Библиографический список

Александров А. С., Лапатников М. В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. 2013. № 4.

Александров А. С., Лапатников М. В. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22.

Алексеев И. М. Анализ предложений МВД России о новом особом порядке досудебного производства // Уголовный процесс. 2015. № 9.

Доля Е. А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья. 2013. № 6.

Кальницкий В., Муравьев К., Воронов Д. Концепция дознания в сокращенной форме: достижения и вопросы совершенствования // Уголовное право. 2013. № 3.

Сумин А. А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. 2013. № 10.